

ФЕНИКС ФЛАММ

ОШИБКИ ЦИВИЛИЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА

VENTURE CAPITAL
DIGITAL ASSETS
BLOCKCHAIN

Феникс Фламм

Ошибки цивилизованного человека

<https://litres.ru/74610514>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лев Гершвин — безупречный «Авель» цифровой эпохи. Его дары — эффективность, сто двадцать миллионов и стеклянные башни «Эдема-4» — безоговорочно приняты миром. Его брат Марк, называвший себя цифровым демиургом, остался никем. Его первобытное искусство рынок не понял.

Но смерть меняет правила. Марк подписывал работы псевдонимом «Авель» — и оставил после себя не просто код, а нейроинтерфейс, завязанный на анатомию человеческой тревоги. Лев входит в него и не выходит прежним. Он теряет деньги, статус, будущее. Он запирается в заброшенном цеху «Красного Октября» и начинает охранять то, что всю жизнь презирал.

Кто из братьев жертва? Кто палач? И был ли у Марка план — или Лев сам надел на себя ошейник, потому что не умел иначе?

«Ошибки цивилизованного человека» — радикальное переосмысление древнейшего сюжета человечества в декорациях посткиберпанка. Роман о том, что порядок не спасает от боли. Он только решает, где ей разрешено кричать.

Феникс Фламм

Ошибки цивилизованного человека

«Модный тренд — это чужая рана, которую успели красиво упаковать»

ПРОЛОГ. НОЛЬ ЦЕЛЫХ, НОЛЬ ДЕСЯТЫХ

У прагматизма есть свой, совершенно невыносимый запах. Это не вонь дешёвого кофе из офисных капсул и не озоновый дух перегретых серверов. Это запах маркерной доски — стерильный, кисловатый аромат белой пыли, которой Лев Гершвин только что перечеркнул последние пять лет жизни своего брата.

— Чистая математика, — сказал он юристу, стряхивая с пальца пыль. — Активов нет. Интеллектуальная собственность оценивается рынком в ноль целых, ноль десятых. Балласт.

Лев заработал свои сто двадцать миллионов на чужих ошибках. Он покупал то, что другие считали мусором, и продавал то, что другие считали золотом. Пятнадцать лет. Ни одного промаха. Он не любил риск. Он любил точность.

Марк лежал в городском крематории уже третьи сутки. А здесь, в его лофте, который Лев уже мысленно переимено-

вал в «объект недвижимости с высокой стоимостью утилизации», пахло концом. На полу валялись пустые блистеры от нейростимуляторов, на столе стоял остывший маття, а панорамное окно выходило на серую стену точно такого же лффта.

Лев скользнул взглядом по стенам, где ещё висели распечатанные концепт-арты Марка. Чёрно-белые, острые. На одном — вывернутое наизнанку ущелье, из которого росли вверх не деревья, а позвоночники. На другом — город, сложенный из детских кубиков, оплывающих, как свечи. На третьем — пустая комната, в центре которой стоял белый куб, слишком правильный для этого мира. Под третьим — подпись мелким, почти неразборчивым почерком: «Авель. Если ты это видишь — значит, ты всё ещё смотришь глазами, а не отчётами».

Лев хмыкнул. «Авель». Творческий псевдоним. Претенциозный, как всё у Марка. Он мысленно поставил рядом с этой фразой статус «не релевантно».

Марк называл себя цифровым демиургом. Он строил в вирте города для мёртвых богов. Его пейзажи — Долины Бинарных Туманов, Хрустальные Шпили Забвения — вызывали у покупателей галерей физическую тошноту и приступы паники. За пять лет он не продал ни одного токена. Рынок хотел милых котиков, генерируемых нейросетью, и скучных, симметричных дворцов для корпоративных вечеринок. Марк давал им первобытный, невыхолощенный ужас.

— Холсты, — сказал Лев.

Юрист, привыкший к тому, что старший Гершвин никогда не использует метафор, моргнул.

— Простите?

— Сестра Чонтвари, — терпеливо пояснил Лев, надевая нитриловые перчатки. — Венгерский художник, начало двадцатого века. При жизни — ни одной проданной картины. После смерти осталась сотня работ. Сестра хотела их продать, но музей назвал это мазнёй. Тогда она разумно решила, что холсты стоят дороже красок. Продала оптом.

Лев подошёл к серверной стойке в углу комнаты. Сорок восемь чёрных рёбер, в которых ещё вчера билось горячее сердце нейросети Марка. Процессоры жужжали, пытаясь просчитать бесконечный закат, который теперь некому было досмотреть. Аренда этих мощностей обходилась в пятнадцать тысяч долларов в месяц.

— Цивилизация, — пробормотал Лев, набирая команду на терминале. — Всегда выбирает базовую комплектацию. Мы не покупаем смысл. Мы покупаем носитель.

Форматирование началось. Зелёная строка кода поползла по чёрному экрану, методично стирая пять тысяч часов чужого безумия.

Лев смотрел на неё. Долго. Секунду. Две. Он не думал о брате. Он думал о себе. Впервые — о себе.

«Если ты это видишь — значит, ты всё ещё смотришь глазами, а не отчётами».

Фраза Марка. Со стены. Он вспомнил её. И — улыбнулся. Холодно.

«Я смотрю отчётами. И — что? Я жив. Я — эффективен. Я — платёжеспособен. А ты — мёртв. В крематории. Третьи сутки. Так кто из нас прав?»

Он не сказал этого вслух. Даже про себя — не сказал. Он просто почувствовал это. Подумал — и почувствовал. Как будто внутри щёлкнуло.

Он право имеет. Форматировать. Продавать. Забывать. Он — старший. Он — живой. Он — тот, кто остался.

Он нажал «Enter».

Строка кода пошла быстрее. Лев методично переписывал активы. Рендер-фермы уходят компании «Крионикс-Арт» за вычетом долга по аренде. Права на код — самому Льву за один доллар. Это была идеальная сделка. Выжать из хаоса максимум эффективности, а остальное сбросить в ноль.

Пока терминал отсчитывал проценты, Лев машинально коснулся кармана, где лежал старый брелок — крошечный металлический компас, подарок Марка на сорокалетие. Лев никогда им не пользовался: компас был сломан, стрелка застыла на юго-востоке, будто навсегда выбрала одно направление. Лев не любил сломанные вещи. Но выбросить брелок почему-то не смог. Теперь он просто лежал в кармане, тяжёлый и бессмысленный, как напоминание о чём-то, что Лев предпочитал не вспоминать.

Когда серверы погасли, в лофте стало оглушительно ти-

хо. Лев вытащил из стойки один-единственный физический диск — холодный, тяжёлый кусок металла. На нём хранился слепок последней работы Марка. Лев не планировал его хранить. Это был просто образец нагрузки, который нужно показать покупателю металлолома, чтобы доказать, что стойки не сожгли мозги.

— Утилизируйте, — бросил он юристу, бросая диск на дно своего кожаного портфеля. — Вместе с остальным хламом. Завтра здесь должны стоять новые стойки.

Лев вышел на улицу, в ноябрьскую изморось. Он сел в беспилотное такси, и машина бесшумно заскользила по эстакаде. В портфеле, прямо под его планшетом с биржевыми сводками, лежал холодный прямоугольник.

Лев не знал, что алгоритм арт-платформы «Вектор», анализирующий тренды для создания новых коллекций, даст критический сбой ровно через семьдесят два часа. Искусственный интеллект, предназначенный для поиска коммерческой поп-арты, из-за повреждённого узла в нейросети начнёт искать аномалии. И наткнётся на цифровой призрак одной из работ Марка, который случайно утечёт в сеть с тестового образца.

Алгоритм определит эти файлы как «нулевого пациента» нового эстетического направления. Рынок, который пять лет плевался от искусства Марка, внезапно назовёт его гением. А директор галереи Аристарх Бертман, страстный, почти болезненный поклонник мёртвых визионеров, начнёт искать

человека по имени Лев Гершвин, чтобы предложить ему за содержимое этого диска больше денег, чем Лев заработал за всю свою безупречную, логичную, стерильную жизнь.

Но пока такси несло Льва сквозь огни вечернего города, в портфеле просто лежала «мазня». И прагматизм всё ещё пах маркерной пылью.

И в тот момент, когда такси плавно затормозило у следующего пункта маршрута, Лев вдруг почувствовал, как в кармане неприятно звякнул сломанный компас. Звук был крошечным, почти неслышным, но он отозвался внутри него странной, колючей пустотой — будто что-то, чего он не замечал годами, наконец-то дало о себе знать.

ГЛАВА 1. АНАТОМИЯ ТРЕВОГИ

Сигнал нейрошлема ударил по затылочной доле ровно в 04:13 утра. Лев не спал. Он давно разучился спать в те ночи, когда рынок штормило. Его капсула в элитном жилом комплексе «Эдем-4» была выверена по фэншуй и законам термодинамики: температура двадцать один градус, влажность сорок процентов, полная звукоизоляция. В этом гробу из белого композита не было места случайностям.

Но случайность ворвалась внутрь.

Лев сорвал с лица маску для сна. Перед глазами, прямо поверх идеально белого потолка, пульсировала алая строка уведомления с биржи. Токен «Хрустальный Шпиль Забвения №4». Тот самый кусок кода, который Лев считал мерт-

вым грузом и собирался удалить после тестового показа, за последние сорок минут вырос в цене на три тысячи процентов.

Его купил фонд «Авангард Силикон».

Лев сел на краю капсулы. Его сердце, обычно бившееся в ритме идеального метронома, пропустило удар. Это была не рыночная коррекция. Это была аномалия. Кто-то не просто купил файл, он вбросил его в закрытый клуб коллекционеров как вирус.

Он натянул халат, подошел к стене и с силой вдавил палец в сенсорную панель. Сейф, замаскированный под фрагмент декоративной панели, с тихим вздохом гидравлики отъехал в сторону.

Внутри, на бархатной подложке, лежал тот самый физический диск. Лев взял его двумя пальцами. Холодный металл обжег кожу. Он не открывал этот диск с того самого дня, как форматировал серверы Марка. Ему было противно. Копаться в вещах мертвеца — дурной тон и неэффективная трата времени.

Но сейчас время стало слишком дорогим.

Лев подключил диск к своему личному терминалу.

На экране всплыли метаданные. Сухие строки. Дата. Объём. Имя файла.

Abel_Tarpatak_final.syn

Лев не обратил внимания. Он видел это имя раньше. Сто раз. Марк называл себя цифровым демиургом. Но подписыв-

вал работы — Авель. Творческий псевдоним. Дурацкий, по мнению Льва. Претенциозный.

Марк говорил: «Авель принёс дар. Я тоже приношу. Просто мой дар никто не принимает».

Лев тогда не слушал. Он смотрел на графики.

Марк разработал собственный метод. Он называл его нейро-палимпсест. Лев не понимал, что это. Считал — маркетинг. Слово для презентации. Марк объяснял один раз, на кухне, ночью. Лев кивал и думал о другом.

Теперь — не важно. Теперь — поздно.

Система запросила биометрию. Он приложил ладонь. Экран вспыхнул, и прагматичный мир Льва Гершвина треснул по швам.

Это не было похоже на VR-игры, в которые играют клерки в обеденный перерыв. Никаких удобных интерфейсов, никаких иконок «Сохранить» или «Выйти». Пространство вокруг него сгенерировалось мгновенно, минуя стадию загрузки.

Он стоял на дне ущелья. Неба не было — вместо него нависала громада из перевернутых человеческих позвоночников, сросшихся в единый кристаллический свод. В воздухе пахло озоном и старым железом. Лев рефлекторно дернулся, пытаясь вызвать меню, но нейрошлем Марка не реагировал на стандартные команды.

— Выйти, — произнес он вслух.

Тишина. Только низкий, утробный гул, идущий из-под

земли.

Лев сделал шаг вперед. Под ногами хрустела не виртуальная текстура, а что-то, имитирующее битое стекло и замерзшие слезы. Он поднял голову. По отвесным стенам ущелья стекала лава, но она не светилась. Она была абсолютно черной, поглощающей свет, и двигалась против законов гравитации — вверх, к позвоночникам.

Лев почувствовал, как по спине пробежал липкий, первобытный холод. Это была не программная ошибка. Это было чье-то чужое, огромное, невыносимо болезненное сознание.

— Марк, — выдохнул он.

Имя брата прозвучало в этой долине глухо и неуместно.

Лев был венчурным инвестором. Он умел препарировать любой бизнес-план, находить слабые места в любой стратегии и переводить человеческие эмоции в графы доходности. Но сейчас его аналитический аппарат отказал. Он видел перед собой невозможную, психоделическую красоту, от которой хотелось выть. Это искусство не продавало надежду. Оно продавало анатомию тревоги.

Внезапно черная лава на стене замерла. Гул прекратился. Пространство вокруг начало сжиматься, стены ущелья рывками поползли к центру, грозя раздавить Льва в плоский, бессмысленный пиксель. Это был стандартный триггер панической атаки, прописанный в ядре вирта — защита от перегрузки рецепторов.

Лев знал этот триггер. Он читал спецификации. Он знал:

чтобы выйти, нужно просто расслабиться. Перестать сопротивляться. Дать системе сбросить соединение.

Он не расслабился.

Он стоял и смотрел, как стены ползут к нему. И считал. Секунды. Как считал всё в своей жизни. Один. Два. Три. На четвертой — понял: сброс не срабатывает. Потому что он не хочет сброса. Потому что то, что ползет к нему, — это не ошибка. Это приглашение.

Он сделал шаг навстречу.

Лава расступилась перед ним, как густое масло. Внутри нее, в толще абсолютной тьмы, Лев увидел источник.

Это была не текстура. Это был голый, уязвимый кусок кода, который Марк не защитил никаким шифрованием. Сердце программы.

Лев, сам не понимая, что делает, протянул руку и коснулся его.

Боль была настоящей. Она ударила не по нейронам, а где-то под ребрами. В этом куске кода не было пейзажей. Там была запись. Аудиослепок.

«Ты просто завидуешь, Лев, — голос Марка, задыхающийся, злой, записанный. — Ты строишь свои стеклянные башни, чтобы не видеть землю. А я смотрю в нее. Там красиво. Там гниют корни. Почему вы все так боитесь гнилых корней?»

Пространство вирта содрогнулось и вышвырнуло Льва обратно в капсулу.

Он сорвал шлем. Его била крупная дрожь, на лбу выступил холодный пот, а во рту стоял вкус крови — он прокусил щеку изнутри.

Лев подошел к окну. За тройным бронированным стеклом жил своей жизнью «Эдем-4»: бесшумные дроны-доставщики, голографическая реклама успокоительных, тысячи людей в таких же капсулах, жующих синтетический белок и мечтающих о повышении индекса социального доверия.

Стерильный рай.

Лев посмотрел на свои руки. Они все еще помнили плотность той черной лавы.

Рынок сошел с ума, пытаясь купить этот ужас, упаковать его в инвестиционный портфель и перепродать. Но они покупали лишь обложку. Они не знали, что внутри «Хрустального Шпиля» заперт мертвый брат, который ненавидит Льва за его стеклянные башни.

Лев вернулся к терминалу. Он вывел на экран график торгов. Фонд «Авангард Силикон» уже выставил «Шпиль» на вторичный рынок. Цена продолжала расти.

Лев открыл свой рабочий мессенджер. Создал новый чат. Единственный контакт.

«Аристарх Бертман, куратор галереи "Красный Октябрь"», — значилось в профиле. Старомодный музейщик, с которым Лев столкнулся на благотворительном аукционе полгода назад. Аристарх тогда долго и нудно вещал о душе в искусстве, а Лев смотрел на него как на реликтового жука.

Лев напечатал сообщение. Пальцы слушались плохо. Каждое слово казалось предательством его собственной, выверенной до миллиметра ДНК.

«Аристарх. Код Марка. Тот, что вызывает панику. Я хочу показать вам оригинал. Сегодня. До того, как его сожрет фонд. Плата за вход — ваше молчание».

Он нажал «Отправить».

В капсуле пахло озоном, потом и крушением идеального мира.

ГЛАВА 2. СТЕКЛЯННЫЕ БАШНИ

Утро в «Эдеме-4» наступало по расписанию: ровно в 07:00 мягкий свет начинал медленно набирать яркость, имитируя рассвет, а в вентиляцию подавался едва уловимый аромат свежескошенной травы — маркетинговая иллюзия природы для жителей, которые годами не видели настоящей земли. Лев не замечал этого ритуала. Он вообще ничего не замечал, кроме экрана терминала, где график торгов по «Хрустальному Шпилю Забвения №4» продолжал ползти вверх, будто кто-то накачивал его деньгами, не глядя.

Он сидел на краю капсулы, всё в том же халате, сжимая в пальцах одноразовый стаканчик с остывшим кофе из встроенного диспенсера. Кофе был безвкусным, как и положено в стерильном мире, где даже удовольствие должно быть предсказуемым. Но сегодня предсказуемость казалась Льву не комфортом, а приговором.

В кармане снова звякнул сломанный компас. Лев машинально коснулся его, и этот крошечный металлический удар отозвался внутри не раздражением, а чем-то другим — тяжёлым, неудобным, похожим на вину. Он тут же одёрнул руку, будто обжёгся.

Сообщение Аристарху висело в чате с отметкой «Прочитано». Никакой реакции. Ни удивления, ни восторга, ни даже дежурного «Ок». Только тишина, которая в цифровом мире всегда звучала громче крика. Лев привык к тому, что его сообщения открывают и тут же отвечают: он был человеком, который решает проблемы, а не создаёт их. А сейчас он сам стал проблемой — и это ощущение было ему незнакомо и неприятно.

Он встал, подошёл к стене и снова активировал сейф. Диск лежал на бархатной подложке ровно так, как он его оставил — холодный, тяжёлый, чужой. Лев взял его, повертел в пальцах, словно пытаясь нащупать в этом куске металла логику, которую можно было бы вписать в привычный отчёт. Но диск не давал ни цифр, ни метрик. Он давал только ощущение тяжести и запах озона, который, казалось, въелся в пальцы.

«Ты просто завидуешь, Лев... Ты строишь свои стеклянные башни, чтобы не видеть землю».

Слова Марка, вырванные из тьмы вирта, теперь звучали в голове Льва не как обвинение, а как диагноз. И самое страшное было в том, что Лев не мог с ним спорить. Его башни

действительно были стеклянными. Прозрачными снаружи, непроницаемыми изнутри. В них всё было видно, но ничего нельзя было почувствовать.

Лев вернулся к терминалу, открыл файл с завещанием Марка и пробежал глазами сухие формулировки, которые ещё вчера казались ему идеальным основанием для сделки. «Исполнитель завещания... распоряжение имуществом... исключительные права...». Слова, которые не имели никакого отношения к человеку, который когда-то смеялся над его педантичностью и называл его «последним рыцарем эффективности».

Внезапно терминал пискнул, выводя на экран уведомление: «Фонд „Авангард Силикон“ запрашивает подтверждение сделки по передаче прав на актив „Хрустальный Шпиль Забвения №4“». Лев замер. Фонд хотел не просто владеть токеном — он хотел владеть всем, что стояло за ним. Всем кодом, всеми мирами, всеми чёрными лавовыми потоками и перевёрнутыми позвончиками. Они хотели купить анатомию тревоги и превратить её в инвестиционный продукт.

Лев почувствовал, как внутри поднимается волна холодного, почти физического отвращения. Это было не про деньги. Это было про то, что кто-то собирался взять боль Марка, упаковать её в красивый отчёт и продать как «новый тренд». И он, Лев, стоял между этим и чем-то, что он пока не мог назвать, но что уже начинало царапать его изнутри.

Он открыл чат с Аристархом и напечатал новое сообще-

ние, на этот раз не выбирая слов:

«Аристарх. Если ты не ответишь в течение часа, я подпишу сделку с „Авангардом“. Но я хочу, чтобы ты знал: это не искусство. Это крик. И если ты можешь услышать в нём что-то кроме денег — приходи. Галерея „Красный Октябрь“. Через два часа. И не говори мне про душу. Просто приди».

Он нажал «Отправить» и отложил терминал. В капсуле повисла тишина — та самая, которая бывает перед грозой. И впервые за долгое время Лев не пытался её заполнить цифрами, графиками или сухими отчётами. Он просто стоял и слушал, как эта тишина говорит с ним на языке, который он столько лет отказывался понимать.

На улице ноябрьская изморось уже сменилась мелким, колючим дождём, который стекал по стеклянным фасадам «Эдема-4», размывая голографические баннеры и превращая идеальный город в дрожащее, искажённое отражение самого себя. Лев накинул пальто, взял портфель, в котором всё ещё лежал диск, и вышел из капсулы.

Двери лифта закрылись за ним, отрезая стерильный мир «Эдема» от того, что ждало его снаружи. И в этот момент Лев вдруг понял, что стеклянные башни, которые он так старательно строил, больше не защищали его. Они просто показывали ему, насколько далеко он ушёл от земли — и от брата.

ГЛАВА 3. АНАТОМИЯ ПЫЛИ

Галерея «Красный Октябрь» пахла так, как пахнет конец любой империи. Лев, привыкший к стерильному озону «Эдема-4» и озоновой горечи дорогого пластика, поморщился, когда тяжелая стальная дверь бывшего электрощитового цеха закрылась за ним. Здесь пахло вековой кирпичной пылью, застарелым льняным маслом, мышинным пометом и дешевой советской краской, которой в девяностые пытались обновить перекрытия.

Цивилизация Аристарха Бертмана существовала в параллельной вселенной, где время измерялось не курсами валют, а слоями осыпавшейся штукатурки.

— Он не шизофреник, — вместо приветствия бросил Аристарх.

Куратор сидел на перевернутом деревянном ящике посреди огромного пустого зала. Единственным источником света была голая лампа Эдисона на длинном проводе, бросавшая на лицо старика глубокие, театральные тени. Вокруг Аристарха на бетонном полу стояли десятки картонных коробок из гофрокартона, перемотанных желтым скотчем. На коробках маркером было криво выведено: «МАРК. ЦИКЛ "СЛЕПЫЕ ОКНА". ЧАСТЬ 3».

— Простите? — Лев инстинктивно отступил на шаг, подальше от запаха.

— Ваш брат, — Аристарх тяжело поднялся, опираясь на трость с потертой костяной ручкой. — Исследователи считают, что Тивадар Чонтвари не был шизофреником. Просто

трудный в общении эксцентрик. С тараканами. Я видел медкарту Марка. Там стоит F20. Но это ошибка диагностов. Шизофреники не видят архитектуру так, как видел он. Они видят распад. А Марк видел первозданный чертеж.

Аристарх подошел к одной из коробок и с кряхтением сорвал скотч.

— Вы пришли смотреть на цифры, Лев. На график торгов фонда «Авангард». А я смотрю на то, как цивилизация ошибается в диагнозах.

Лев молчал. Он чувствовал себя хирургом, который случайно забрел в анатомический театр для художников. Ему было физически некомфортно в этом пространстве, где не было ни одного прямого угла, а воздух казался густым от невидимых спор чужой одержимости.

Аристарх достал из коробки старый, тяжелый нейрошлем. Корпус из матового алюминия был исцарапан, на правом виске виднелась кустарная пайка.

— Марк ненавидел новые модели, — пояснил куратор, сдвывая с объектива кирпичную крошку. — Говорил, что нейросети седьмого поколения «сглаживают углы безумия». Слишком удобные. Для вас же комфорт — это бог.

— Я пришел не за лекцией по истории искусств, — голос Льва прозвучал слишком ровно, выдавая подступающее раздражение. — Вы хотели видеть код. Тот, что купил «Авангард». Я принес слепок.

Лев достал из внутреннего кармана безупречного каше-

мирового пальто свой личный дисковод и диск. Металл клацнул о бетонный пол. Этот звук в царстве картонной пыли прозвучал как выстрел.

Аристарх посмотрел на дисковод, потом на Льва. В его глазах не было алчности коллекционера. Там была тяжелая, профессиональная усталость врача.

— Вы думаете, я хочу его купить? — тихо спросил куратор. — Лев, мальчик мой, я хочу, чтобы вы поняли, почему его нельзя продавать.

— Это двенадцать миллионов долларов на вторичном рынке, — отрезал Лев. — Я не «мальчик», и мне не нужны нравоучения. Подключайте.

Аристарх вздохнул. Он взял диск, повертел его в руках, сдул несуществующую пылинку и вставил в свой терминал — громоздкий металлический ящик, похожий на советский ЭВМ.

— Хорошо, — кивнул он. — Но наденьте шлем вы. Я буду смотреть через ваш зрачок на проекцию. Мне нельзя сейчас в вирт, у меня импланты шалят.

Лев натянул холодный, чужой шлем Марка. Аристарх щелкнул тумблером.

Пространство вокруг не сменилось плавно. Оно просто выключило реальность цеха.

Лев снова оказался в Долине Большой Тарпатак. Но сегодня ущелье было другим. В прошлый раз, в порыве паники, он коснулся лишь обнаженного нерва. Сегодня он видел за-

мысел.

Свод из позвоночников оказался гигантским скелетом левиафана, выросшим в гору. Черная лава внизу была не магмой. Это была нефть, в которой плавали тысячи микроскопических человеческих лиц. Они открывали рты в беззвучном крике, и именно этот хор создавал тот самый утробный гул.

— Господи, — прошептал Лев. Его аналитический ум лихорадочно пытался найти в этом паттерн, алгоритм, источник генерации. Но паттерна не было. Хаос был абсолютным.

— Смотрите глубже, — голос Аристарха прозвучал прямо в голове, минуя динамики шлема. — Видите пустоту в центре? Там, где лава образует воронку?

Лев опустил взгляд. В самом центре ущелья, куда не доставала черная жижа, стоял идеальный белый куб. Он не отражал свет — он сам был источником мертвенно-белого, больничного свечения.

Лев сделал шаг к кубу. Черные лица под ногами потянулись к нему, пытаясь схватить за щиколотки виртуальными ртами.

— Это его дневник, Лев, — сказал Аристарх. — Марк не рисовал пейзажи. Он картографировал свою фармакологию. Каждая гора — это побочный эффект от антидепрессантов. Эта черная жижа — его бессонница. А белый куб...

Лев коснулся грани куба. Пространство взорвалось.

Ущелье исчезло. Лев оказался в детской комнате. Облу-

пившиеся обои с выцветшими зайцами, железная кровать, окно, за которым идет густой, пиксельный снег. На полу сидит маленький мальчик.

Лев узнал его. Это был он сам. Ему семь лет.

Рядом, на ковре, лежит другой мальчик, чуть старше. Марк. Он строит башню из кубиков. Башня получается кри-вой, уродливой, она нарушает все законы физики, но стоит, вопреки гравитации.

Маленький Лев смотрит на брата с невыносимым, холодным презрением.

— Она упадет, — говорит семилетний Лев. — Она бессмысленна.

— Она не должна стоять, — отвечает Марк, не поднимая головы. — Она должна сопротивляться.

Марк толкает башню пальцем. Она не падает. Она рассыпается в воздухе, и каждый кубик превращается в черную птицу. Птицы вылетают в окно, в тот самый пиксельный снег.

— Вы вышли, — голос Аристарха вырвал его обратно в пыльный цех.

Лев сорвал шлем. Его щека была мокрой. Он машинально провел по ней ладонью — слеза. Он не плакал с похорон матери.

— Это нейро-энграмма, — прохрипел Лев. — Он записал свои воспоминания в ландшафтный движок. Это... технически невозможно. Код бы перегрел ядро за секунду.

— Марк не писал код, — Аристарх забрал у него шлем и бережно, почти любовно, протер его рукавом своего заношенного твидового пиджака. — Марк был антенной. Он просто транслировал. А цивилизованные люди, вроде вас и фонда «Авангард», пытаются измерить мощность сигнала в биткоинах.

Аристарх подошел к одной из коробок, порылся в ней и достал что-то, завернутое в пожелтевшую газету.

— Сестра Чонтвари хотела продать его работы, — сказал куратор, разворачивая бумагу. — Сотню холстов. Всё, что осталось от брата. Она пошла в музей. Это было разумно. Но она совершила ошибку.

Он протянул Льву содержимое свертка.

Это был кусок обычного грунтованного холста, грубо вырезанный из подрамника. С обратной стороны на нем сохранился инвентарный номер Будапештского музея и бурое пятно — то ли от дешевого вина, то ли от крови.

— Они сказали ей, что «мазня» ничего не стоит, — Аристарх ткнул узловатым пальцем в пятно. — И она им поверила. Она оценила носитель.

Аристарх сел на ящик. Снял очки. Протёр их рукавом. Надел обратно.

— Хотите — расскажу целиком?

Лев кивнул.

— Тивадар Чонтвари умер в 1919 году. В Будапеште. Нищий. Больной. Шизофреник, как говорили врачи. У него бы-

ла сестра. Её звали... Впрочем, неважно. Сестру звали неважно. Важно, что она осталась одна. Со сотней холстов. И без денег.

Он помолчал. Посмотрел на Льва.

— Она не была дурой. Она была практичной женщиной. Она пошла в музей. В Национальную галерею. И сказала: «Купите. Сотню работ. Мой брат был гений». Директор посмотрел. Позвал эксперта. Эксперт посмотрел. И сказал: «Мазня. Это не искусство. Это бред сумасшедшего. Мы не можем это выставить. Это оскорбит публику».

Аристарх взял кусок холста со стола. Тот самый — с инвентарным номером.

— Она не стала спорить. Она не стала кричать. Она сказала: «Хорошо. Тогда я продам холсты. Сами по себе». Директор удивился. «Зачем? На них же мазня». Она ответила: «Мазня сойдёт. Холст дороже». И — продала. Оптом. Торговцу. За гроши. Потому что холст стоил дороже, чем краска. А холст был хороший. Лён. Грунт. Ему было двадцать лет. Он был дорогой.

Лев молчал.

— Она получила деньги. Немного. Купила уголь. Пережила зиму. Потом — ещё одну. И — умерла. В нищете. Как брат. И — никто не знал. Никто не помнил. Пока через пятьдесят лет кто-то не нашёл эти холсты на чердаке. Не отмыл. Не выставил. И — не назвал Чонтвари гением.

Аристарх встал. Подошёл к Льву.

— Вы понимаете, о чём я?

— О том, что рынок не понимает искусство.

— Нет, — Аристарх покачал головой. — Я о другом. Я о том, что сестра поступила правильно. По всем правилам. Она оценила носитель. Не смысл. Носитель. И — выжила. И — брата не спасла. Потому что смысл нельзя отделить от носителя. А она отделила. И потеряла и то, и другое.

Он вернул холст в коробку.

— Вы сейчас хотите сделать то же самое, Лев. Продать носитель. Оставить смысл. Но смысл без носителя — не живёт. Он гниёт. Как эти холсты на чердаке. Пятьдесят лет. Пока кто-то не придёт и не отмое.

Он посмотрел Льву в глаза.

— Вы умнее сестры Чонтвари. Она пошла в музей. Вы пришли ко мне. Но — вы всё ещё хотите продать.

Лев опустил голову. Впервые за долгое время — не отвёл взгляда. Но и не ответил.

— Сколько? — глухо спросил он. — Назовите цену за ваше молчание. Я выкуплю все коробки.

Аристарх Бертман улыбнулся. Улыбка сделала его лицо похожим на печеное яблоко. Он положил кусок холста обратно в коробку и заклеил ее скотчем.

— Я не продаю молчание, — сказал он. — Я покупаю время. Уберите диск. И молитесь, чтобы «Авангард Силикон» подавился своим «Шпилом». Потому что, когда они придут к вам за следующей дозой, вы уже не сможете нажать кнопку

«Форматировать».

Лев вышел из цеха в промозглую московскую ночь. Запах кирпичной пыли намертво въелся в его кашемировое пальто. В кармане лежал диск, который внезапно стал тяжелее свинца.

ГЛАВА 4. АНАТОМИЯ СДЕЛКИ

Кабинет на сто сорок втором этаже башни «Федерация» пах озоном и властью. Но сегодня к этому привычному аромату примешивался едва уловимый, фантомный запах кирпичной пыли.

Лев чувствовал его на себе. На руках. На воротнике. На всём.

Кресло из переработанного углепластика оказалось слишком мягким. Оно прогибалось под ним, как будто хотело его съесть. Лев сел на край. Прямо. Как на стуле в кабинете врача.

Напротив него, в облаке голографических графиков, висел Артур Блум. Управляющий партнёр фонда «Авангард Силикон». У него не было лица. Вместо него — идеальная, симметричная маска из синтетической кожи, под которой едва заметно пульсировали диоды оптических имплантов.

— Двенадцать миллионов — это стартовая истерика рынка, Гершвин, — сказал Блум. Голос — синтезированный баритон, лишённый человеческих обертонов. — Мы даём сорок. Выкуп исключительных прав на весь массив. Плюс ме-

сто в совете директоров «Авангард Синтетика».

Лев не ответил. Он смотрел на маску. На то, как она движается, когда Блум говорит. Идеально. Слишком идеально. Живое лицо так не двигается. Живое лицо — кривится. Дёргается. Живёт.

— Вы не понимаете, что покупаете, — сказал Лев.

Блум наклонил голову. Чуть-чуть. Один градус. Или — программа. Или — интерес.

— Тогда объясните, — сказал он. — Мы покупаем новый базовый паттерн для иммерсивной терапии. Ваша статистика показывает: после погружения в «Шпиль» уровень кортизола падает на сорок процентов. Это лучший диссоциативный якорь на рынке. Мы упакуем боль вашего брата в подписку за девять девяносто девять. Люди будут платить, чтобы на пять минут перестать чувствовать себя людьми.

— Скальпель, — сказал Лев.

— Что? — Блум замер. На полсекунды. Это было заметно.

— Вы думаете, что покупаете пейзаж для релаксации, — Лев подался вперёд, и кресло под ним скрипнуло — недовольно, по-живому. — Вы покупаете скальпель, который вскрывает затылочную долю. Вы загнали в свою «терапию» энграмму семилетнего ребёнка, запертого в комнате с умирающей матерью. Как только ваши пользователи поймут, что они вдыхают вместе с вашим «Шпилем», подписка станет токсичной. Вы продаёте не успокоительное. Вы продаёте чужую травму. А травма не масштабируется.

Блум молчал. Голографические графики за его спиной на мгновение замерли. Оптические импланты вспыхнули ярче — на один цикл. Как будто он пересчитывал.

— Вы блефуете, — сказал он. — Код можно декомпилировать. Мы вычленим паттерн.

— Попробуйте, — Лев позволил себе холодную улыбку. Он сам не понял, откуда она взялась. Лицо сделало её само. — Марк писал его на кастомном ядре, вплетая архитектуру в биохимию. Вы сожжёте три четверти серверов, пытаясь отделить чёрную лаву от его слёз.

Он нажал кнопку на столешнице. Голографические графики за спиной Блума погасли. Вместо них на панорамном окне, выходящем на город, проступил текст. Юридический документ. Длинный. Скучный. С печатями.

— Что это? — оптика Блума сфокусировалась.

— Заявление, — сказал Лев. — В Департамент по контролю за цифровым наследием. Ваш фонд пытается коммерциализировать необратимые психотравмы, выдавая их за арт-объекты. Это попадает под закон о синтетической жестокости. Ваши активы заморозят до конца расследования. А учитывая, что основной инвестор — мэрия, которая так печётся о ментальном здоровье электората...

Он не договорил. Не нужно.

Маска Артура Блума не могла выразить эмоций. Но диоды под ней сменили цвет — с нейтрально-синего на тревожный багровый. Один раз. Потом — обратно.

— Вы уничтожаете свою стоимость, Гершвин, — сказал Блум.

— Я её наконец-то создаю, — Лев встал. Кресло под ним вздохнуло с облегчением.

Диск остался у него. «Шпиль» уходил в архив. И когда дверь кабинета закрылась, отрезая Льва от стерильного мира корпорации, он впервые за пять лет сделал то, чего не делал никогда. Он подошел к панорамному окну и прижался лбом к холодному стеклу.

Сделка сорвалась. Его репутация прагматика, который никогда не ошибается, сегодня дала трещину размером с Гранд-Каньон. Инвесторы «Эдема» завтра же потребуют объяснений. Его съедят на совете директоров.

Но впервые за долгие годы Лев чувствовал не тревогу, а звенящую, пугающую пустоту. словно он только что сбросил с плеч сорок миллионов килограммов мёртвого груза.

В «Красный Октябрь» он вернулся через три дня. Выглядел он как человек, переживший тяжелую, но необходимую операцию. Вместо кашемира — потертая кожаная куртка. Вместо идеального пробора — волосы, давно нуждавшиеся в стрижке. Под глазами залегли тени, которые не мог скрыть даже лучший в городе косметолог.

Аристарх сидел на том же ящике. Перед ним стояла картонная коробка с лапшой быстрого приготовления. Галерея пахла кипятком и соевым соусом.

— «Авангард» прислал уведомление о расторжении всех предварительных соглашений, — вместо приветствия сказал Аристарх, орудуя пластиковой вилкой. — И запрос на проверку ваших ментальных паттернов. Вы их напугали.

— Они хотели купить мой скальпель, чтобы резать им хлеб, — Лев прислонился к холодной колонне. — Я объяснил разницу. Кажется, я только что похоронил свою карьеру.

— Вы только что ее начали, — Аристарх протянул ему вторую вилку. — Ешьте. Это самая честная еда в радиусе пяти километров.

Лев взял еду. Пластиковый вкус лапши показался ему вкуснее, чем любые молекулярные изыски «Эдема-4».

— Зачем вы это делаете, Аристарх? — спросил Лев, глядя, как старик жует. — Зачем вам этот склад токсичного кода? Вы могли бы стать куратором в «Авангарде». У них идеальные климат-контроли.

— У них идеальная стерильность, — ответил Аристарх, вытирая рот рукавом. — А в стерильности не живут. Там только хранят.

Куратор отставил коробку и вытер руки о штаны.

— Я покажу вам, почему мы победили, — сказал он. — Пойдемте. Время вскрывать сундук.

Аристарх повел его в дальний конец цеха, за фальшстену из ржавого профлиста. Там, в углу, накрытый брезентом, стоял предмет, который выглядел в этом царстве цифрового декаданса как инопланетный корабль.

Старинный мореный дуб, обитый позеленевшими медными полосами. Три замка.

— Гедеон Герлоци был коллекционером, — Аристарх с усилием откинул тяжелую крышку. — Но он был коллекционером времени. Он знал, что искусство должно перегнать в темноте, прежде чем стать удобрением.

Внутри сундука не было серверов. Не было дисков. Там, переложённые пожелтевшей папиросной бумагой, лежали рулоны.

Аристарх достал один. Холст был старым, фактурным, пахнущим льном и скипидаром. Куратор расстелил его на полу прямо на бетоне.

Лев подошел ближе.

Это была репродукция. «Долина Большой Тарпатак в Татрах». 1905 год. Тот самый пейзаж, который висел в учебниках истории искусств. Только в оригинале Чонтвари это была мрачная, величественная гора.

Здесь же, на холсте Марка, гора была вывернута наизнанку. Небо состояло из гниющего мяса, а деревья росли корнями вверх, пытаясь ухватиться за пустоту. Но техника... Техника была пугающе живой. Масло ложилось такими густыми, рельефными мазками, что казалось, пейзаж дышит.

— Я не знал, что он писал маслом, — прошептал Лев.

— Он не писал, — тихо сказал Аристарх. — Он соскабливал.

Куратор взял со стола узкий мастихин и подошел к холсту.

— Когда Марк увидел эту репродукцию в дешевом альбоме, он сошел с ума. Не от шизофрении. От зависти. Он понял, что цифра — это всегда иллюзия. Пиксель не имеет веса. А ему нужен был вес.

Аристарх подцепил лезвием край одного из мазков на картине Марка. Лев ожидал увидеть под ним другой слой краски.

Но под густым, черным маслом обнажился гладкий, идеально белый пластик.

— Он покупал на барахолках старые, списанные холсты, — продолжал Аристарх. — Те самые, которые называли «мазнёй». Холст стоил дороже красок. Марк счищал чужую «мазню» мастихином до самого грунта. До мертвой ткани. А потом строил на этом мертвом фундаменте свой вирт. Он называл это нейро-палимпсестом. Свой метод. Ни у кого такого не было.

Аристарх отошел в сторону, открывая весь рулон.

— Он ненавидел цифровую легкость, Гершвин. Он ненавидел то, что вы сейчас пытаетесь защитить. Ваш брат был самым консервативным, самым материальным художником двадцать первого века. Он использовал шлемы только потому, что они позволяли ему показать людям вес его одиночества.

Лев смотрел на вывернутый наизнанку Тарпатак. На пластиковый фундамент под слоем масляной крови.

— Вы хотите сказать... — Лев сглотнул. — Что его искус-

ство — это подделка? Пластик?

— Я хочу сказать, что он строил на мёртвом. На чужом. И делал это живым. Вот и всё.

Куратор подошел к Льву вплотную. Его глаза, выцветшие от времени, смотрели жестко и ясно.

— Вы спасли код от «Авангарда». Это хорошо. Но вы спасли его для чего? Чтобы хранить в сундуке?

Лев молчал. Запах соевой лапши, кирпичной пыли и старого скипидара смешивался в один густой, невыносимый коктейль.

— Я не знаю, что с этим делать, — честно признался он.

— Вы — венчурный инвестор, — усмехнулся Аристарх.
— Вы привыкли входить в хаос на ранних стадиях. Поздравляю, Лев. Это самый рискованный и самый недооцененный актив в вашей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.